

более страшной форме — в виде образа Христа в гробу, в воскресение которого трудно поверить.

Таким образом, расположением и описанием дома Рогожина Достоевский как бы подтверждает миф раскольников, напоминая при этом о некоей тайне. Тайна эта одновременно с тайной «трезубца» является предвестником Апокалипсиса, теме которого в значительной мере посвящен роман «Идиот».

И. А. БИТЮГОВА

К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ ТРАДИЦИИ ДОСТОЕВСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ В. Г. КОРОЛЕНКО

(По архивным материалам и статьям Ф. Д. Батюшкова)

Вопрос о традициях Достоевского в творчестве Короленко, с учетом различий в художественных «мирах» обоих писателей, в современном литературоведении был затронут в монографии Г. А. Бялого «В. Г. Короленко» (1-е изд. — 1949 год, 2-е изд., дополненное, — 1983 год),¹ не только упомянувшего о впечатлении Короленко от речи Достоевского на могиле Н. А. Некрасова и оставившегося на «некоторой роли» Достоевского «в идейной жизни молодого Короленко». Бялый отметил, что последний «надолго сохранил интерес» к творчеству автора «Преступления и наказания», своеобразию его художественного метода, особо обращаясь к его осмыслению «в период обостренного раздумья над вопросами эстетики, над выработкой теоретических основ своего самостоятельного пути в искусстве». Чувствуя художественную мощь «сурового поэта „униженных и оскорбленных“» (определение Короленко из статьи «Современные самозванцы»), писатель одновременно критически относился к «мрачному лиризму» дарования Достоевского, концентрированно отражающему состояние «больной души». В строе своих произведений он шел от истоков, заложенных в «манерах» Гл. Успенского и Тургенева и на «скрещении» их создал собственный «короленковский тип рассказа, в котором „наблюдение“, „исследование“, письмо с „натуры“ могут свободно сочетаться с символикой, лирическим пейзажем, с поэтикой „стихотворений в прозе“».² Высказывания Короленко о Достоевском собраны и проанализированы в статье Т. Г. Морозовой «В. Г. Короленко — критик Достоевского».³ Ей же принадлежит статья «Легенда В. Г. Короленко об „ангеле неведения зла“ (К проблеме: «Короленко и Достоевский»)», в которой исследовательница выявляет

¹ См.: Бялый Г. А. В. Г. Короленко. Л., 1983. С. 296—300.

² Там же. С. 294.

³ См.: Лит. наследство. М., 1973. Т. 86. С. 621—642.

элементы идейного спора Короленко не только с Л. Толстым, но и с Достоевским.⁴ В одном из сборников «Достоевский. Материалы и исследования» также опубликована статья Т. Г. Морозовой «Рассказ В. Г. Короленко „Ат-Даван” и традиции Достоевского»: в ней обосновывается связь между героем «Двойника» Голядкиным и сосланным в Сибирь чиновником Кругликовым,⁵ образ которого ранее был охарактеризован Андреем Платоновым как трактуемый в духе Достоевского.⁶ Представляет интерес и «заметка» Ф. И. Евнина по поводу «Сна Макара» с сопоставлением приснившегося герою рассказа Короленко «спора» его с Тойоном и «бунта» Ивана Карамазова и сравнением позиций их авторов.⁷ Наконец, особо выделенной Ф. Д. Батюшковым как наиболее близкой к Достоевскому повести Короленко «Не страшное» посвящены две статьи — Н. Е. Бакирова «О жанровых традициях в повести В. Г. Короленко „Не страшное”: (К проблеме «Короленко и Достоевский»)» и М. Руситашвили «Искать человека». Н. Е. Бакиров, исходя из концепции М. М. Бахтина, устанавливает в этой и ряде других повестей Короленко соотношения формы «сократовского диалога» и «полифонии» Достоевского и, в частности, проводит убедительную параллель между событийным и образным строем «Не страшного» и «Братьев Карамазовых»; в то же время он приходит к заключению, что эта повесть «не вторичное, а оригинальное художественное создание, возникшее у Короленко на пути „поисков новых форм” (независимо до обращения его к работе над «Историей моего современника»)».⁸ В статье М. Руситашвили аспект преломления в повести «Не страшное» проблематики Достоевского определяется как «футлярный» (по аналогии с чеховским «Человеком в футляре»), ее анализ дополняется обращением к рассказам Короленко «С двух сторон» и «Ночью» и делается акцент на общем гуманистическом пафосе обоих писателей: «Найти в человеке человека».⁹

Прежде чем обратиться к предшественнику этих работ Батюшкову, напомним кратко об основных чертах его облика. Ф. Д. Батюшков (1857—1920) — выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, ученик А. Н. Веселовского, затем французского ученого-медиевиста Париса Гастона, профессор этого же университета и Бестужевских высших женских курсов, где он читал циклы лекций по западноевропейской литературе. С научной целью побывал в Германии, Франции, Англии, Италии, Испании, защитил магистерскую диссертацию «Спор Души с Телом в памятниках средневековой литературы», опубли-

⁴ Изв. ОЛЯ АН. 1979. № 2. С. 122—127.

⁵ Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1980. Т. 4. С. 123—143.

⁶ См.: Детская литература. 1940. № 11—12. С. 91 (подпись — Ф. Человечков).

⁷ См.: Достоевский. Материалы и исследования. Т. 4. С. 206—212.

⁸ См.: Природа художественного целого и литературный процесс // Сб. науч. трудов Кемеровского ун-та. Кемерово, 1980. С. 143—153.

⁹ См.: Лит. Грузия. 1987. № 8. С. 186—194.

кованную в 1891 году отдельной книгой. Во второй половине 1890-х годов Батюшков оставил научную деятельность и занялся журналистикой, литературной и театральной критикой, сохранив в ней принципы историко-культурной школы. Поддерживал реалистическое направление в русской литературе в сочетании с «идеализмом» (романтизмом), автор многочисленных статей о Горьком, Чехове, Короленко, Куприне (и других), друг двух последних.¹⁰

В архиве Пушкинского дома сохранился стихотворный отклик Батюшкова на роман Достоевского «Братья Карамазовы» и, кроме того, два варианта его суждений о связях Короленко с его предшественниками и современниками. Один из них — полный — был после смерти Батюшкова и еще при жизни Короленко опубликован в историко-филологическом журнале «Начала» в 1920 году (№ 2) академиком С. Ф. Ольденбургом. Второй — отрывок из текста, предназначенного для устного выступления Батюшкова (в нем упоминается «сегодняшнее чтение»). Оба текста в части, относящейся к Достоевскому, очень близки, но так как из сформулированных в них положений исходит ряд современных исследователей, а конкретные суждения самого Батюшкова уже забыты, то стоит снова обратиться к ним в их архивном, более компактном, варианте. Публикуем также тематически с ними связанное неизвестное ранее стихотворение Батюшкова, недатированное, но написанное, по всей вероятности, в молодые годы, вскоре после чтения Батюшковым «Братьев Карамазовых» и смерти Достоевского. В художественном отношении это стихотворение любительское, но характерно, что в нем уже проводится мысль, которая потом в более сложной форме обосновывается в его «чтении» 1903 года, посвященном Короленко (текст «чтения», как и статья в «Началах», написаны были к 50-летию В. Г. Короленко). И то, и другое интересно нам прежде всего как факт истории восприятия наследия Достоевского в конце XIX—XX в. и как первая чуткая фиксация точек соприкосновения Достоевского и Короленко.

Приводим текст стихотворения Ф. Д. Батюшкова:

ПОДЗЕМНЫЙ ГИМН
(«Братья Карамазовы»)

Из мрака, из гнета, из недр изгнания
Хвала Тебе, свет проливающий нам!
В торжественный гимн — пусть сольются рыдания,
И громко возносится он к небесам:
 Да светит нам солнце любви,
 Пусть правда царит на земли!

¹⁰ См. о нем статью А. А. Скворцовой: Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 180—181, а также некролог: *Ольденбург С. Ф. Ф. Д. Батюшков. In memoiam // Принципы художественного перевода.* Пг., 1920 (здесь опубликованы две статьи Ф. Д. Батюшкова).

Не страшны нам цепи, людские гоненья,
Не страшны — невзгоды, нужда, нищета,
Исполнится в бедствии сердце смиренья,
В несчастьи умолкнет гордынь суета.
Вновь, чистые сердцем, обрящем мы веру
И светоч любви нас с судьбой примирит;
Познаем мы счастье — не сон, не химеру:
Насилье глас истины не заглушит!

Да светит нам солнце любви,
Пусть правда царит на земли!

Иное нас рабство безумья пугает,
То рабство греха, своеволья страстей, —
Тщеславием в душу соблазн проникает,
И в мрак погружает невинных людей...
В разладе с собою, в тревоге сомнений,
В борьбе постоянной, без силы живой
Блуждаем впотьмах на пути искушений...
Даруй нам в бессилии луч веры живой!

Да светит нам солнце любви,
Пусть Правда царит на земли!

Бичуя порок, и суля наказанья,
Да вечно нам памятны будут слова:
«Простите вы им — бо творят от незнанья,
В отместку за зло — не желайте вы зла...
И все мы должны отвечать друг за друга
И каждый из нас виноват за других,
За гибнущих жертвою злого недуга...
Пусть свет просветленья прольется для них!»

Да светит нам солнце любви,
Пусть правда царит на земли!

Блажен тот избранник, кто чуткий к страданью,
Нам слово прощенья и веры вещал;
Кто смело шел к истине; верный призванью
Заветные струны в сердцах пробуждал.
Из гроба, из праха глагол его встанет,
Изменчивость он пересилит молвы
И вечно живым нам вещать не престанет
Добру научая нас, правде, любви.¹¹

Стихотворение это относится ко всему роману, но восходит прежде всего к главе III книги третьей «Братьев Карамазовых» — «Исповедь горячего сердца в стихах», в ней Дмитрий Карамазов свой рассказ Алеше о совершенных им проступках и униженном положении, в которое он попал, начинает с чтения отрывков из стихотворений Шиллера «Элевзинский праздник» и оды «К радости» (в переводах В. А. Жуковского и Ф. И. Тютчева). Цитацию

¹¹ ИРЛИ, ф. 20, оп. 2, № 89.

первого из них с описанием «униженного человека», с эпохи «троглодитов» и по сей день, он заключает строками:

Чтоб из низости душою
Мог подняться человек,
С древней матерью-землею
Он вступил в союз навек.

И далее Митя признается, что, несмотря на то что находится в «позоре», «низок и подл», не может не ощущать радость жизни, не «целовать края ризы», в которую облекается Бог:

Душу Божьего творенья
Радость вечная поит,
Тайной силою брожения
Кубок жизни пламенит...

и т. д.

(14, 98—99).

Мы помним трагическое сложное сплетение коллизий в романе — соединение «вины» за убийство Федора Павловича Карамазова и Смердякова (фактического убийцы), и Ивана (с его речами о «вседозволенности»), и Дмитрия (с его намерениями и страстями), и даже Алеши (ожидавшего подобной развязки, но не сумевшего ее предотвратить). Митя сознательно берет на себя «вину» после пролившего в его душу «свет» сна о плачущем голодном «дитя». Формулирует же мысль о необходимости для человека чувства «вины» и особенно «ответственности» каждого за все происходящее вокруг него Зосима в одной из «бесед», записанных Алешей Карамазовым: «Бегите, дети, <...> уныния! Одно тут спасение себе: возьми себя и сделай себя же ответчиком за весь грех людской. Друг, да ведь это и вправду так, ибо чуть только сделаешь себя за все и за всех ответчиком искренно, то тотчас же увидишь, что оно так и есть в самом деле и что ты-то и есть за всех и за все виноват. А скидывая свою же лень и свое бессилие на людей, кончишь тем, что гордости сатанинской приобщишься и на Бога возропщешь...». И далее: «На земле же воистину мы как бы блуждаем, и не было бы драгоценного Христова образа пред нами, то погибли бы мы и заблудились совсем, как род человеческий пред потопом. Многое на земле от нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи с миром иным, с миром горним и высшим, да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных. Вот почему и говорят философы, что сущность вещей нельзя постичь на земле» (14, 290).

Позднее в сборнике о Достоевском, изданном в Праге А. Л. Бемом в 1929 г., известный исследователь Р. В. Плетнев, выясняя в статье «Земля» различные духовные и фольклорные источники этого образа-символа у Достоевского, писал, что Зосима прощается с жизнью, припадает к земле и как бы передает эстафету ответст-

венности перед людьми Алеше, отправляя его в мир: «...слова Зосимы принесли алмаз, несокрушимый плод веры. Умер учитель, целуя землю и молясь, и, целуя землю, воскрес из уныния, и поднялся верующим Алеша, возлюбленный ученик его».¹² К истолкованию философского смысла образа «земли» в творчестве Достоевского как Божественного начала, иногда Богородицы, Души мира, а также звучащей у писателя темы коллективной ответственности людей перед «ней» и друг перед другом в 1890-х—1920-х годах обращались Антоний Храповицкий, Д. С. Мережковский, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Вяч. И. Иванов, Б. М. Энгельгардт.¹³ Сам Батюшков в статье о Достоевском, опубликованной в 1910 году в 4-м томе «Истории русской литературы XIX века» под редакцией Д. Н. Овсяннико-Куликовского, писал: «Необходимость веры и наличие объекта веры не могут быть логически утверждены такими приемами рассуждений, к которым прибегает Достоевский: если нет Бога и нет бессмертия, то все позволено, нет нравственности (...). На это, конечно, можно возразить, что могут быть указаны и другие критерии нравственности, хотя бы вытекающие из начал общественности, и сам же Достоевский признавал, что „общественность есть, может быть, самое важнейшее и святейшее свойство нашей народности“ (...). Положительный источник веры заключается в мистическом откровении веры, а не в логических доводах, почему надо верить. Такие обращения знал и Достоевский: открылась какая-то новая правда Зосиме, и из офицера он превратился в „старца“. И Дмитрий „почувствовал“ новое понимание жизни и запел свой „гимн подземных людей“».¹⁴

Обратимся теперь к тексту «чтения» Батюшкова: «...Очень сложны его отношения к Достоевскому: в нескольких словах их трудно охарактеризовать. Конечно, писатель, которого К(оролен)ко сам назвал в одной из своих публицистических статей беспощадным и суровым поэтом „униженных и оскорбленных“, — имел огромное влияние на него самого, ставшего бытописателем, а отчасти так же и поэтом „униженных“, хотя в других житейских условиях. И проповедь любви Достоевского не могла не оказать свое воздействие на писателя, которого мы видели посвятившим всю свою деятельность идее любви. К Достоевскому Короленко примыкает и в анализе того, что и он назвал „болезнью русской личности“ — ее слабости, неопределенности пределов, „занимаемых ее бытием“, по выражению героя „Двойника“ Достоевского

¹² О Достоевском: Сб. статей / Под ред. А. Л. Бема. Прага, 1929. С. 156.

¹³ См. сб.: Властитель дум : Ф. М. Достоевский в русской критике конца XIX — начала XX века. СПб., 1997. С. 148—149, 150—151, 295—296, 302, 327—328, 340—342, 353—354, 373—374, 380, 385, 396—400, 423, 426, 428—432, 439, 565—566; а также: *Роднянская И. Б.* Вяч. Иванов : Свобода и трагическая жизнь : Исследование о Достоевском // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 4. С. 218—238.

¹⁴ История русской литературы XIX в. / Под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского. М., 1910. Т. 4. С. 334.

Голядкина. — Как Достоевский, и Короленко проявил с ранних лет склонность к изображению тяжелых душевных аффектов, мучительных болезненных кризисов на почве, близкой к патологии (в эпизодах «Искателя», в пов(ести) «С двух сторон»). Его „Ат-Даван” близок „Запискам из Мертвого дома”. В воспоминаниях об Успенском он сам рассказывает, что особенно ценил и ценит „Преступление и наказание” Достоевского. Но влияние Достоевского во многом было парализовано другим, рационалистическим течением, которому К(оролен)ко в свое время очень подчинился. Он не поднимался в выси индивидуализма Достоевского, не заразился его мистикой и совершенно чужд той сильной, но действительно жестокой по временам и беспощадной суровости, с которой Достоевский проникает во все изгибы душ у „подпольных” и далеко не подпольных людей. Контраст обеих натур слишком очевиден, чтобы настаивать на этих различиях, но чрезвычайно любопытно, что при всей мягкости К(оролен)ко, его удивительном незлобии, доходящем порой до неведения зла, тихой грусти, чередующейся со всепобеждающим его оптимизмом, словом при всем отличии его художественного темперамента от духовного облика Достоевского, именно в одном из самых последних своих очерков, появившемся в нынешнем году, — „Не страшное”, Короленко как-то невольно и как бы нечаянно вернулся к „школе” Достоевского: он заговорил по-иному; выказал удивительную виртуозность в выдержанном, особом, не свойственном ему до сих пор стиле, проявил чрезвычайную глубину психологического анализа и дал новую и вполне оригинальную обработку под другим углом и в особой оправе некоторых положений, о которых мы впервые услышали именно от Достоевского: „в жизни все так связано... и эта взаимная связь налагает общую ответственность”¹⁵ — так что, доскажем словами Достоевского — каждый из нас виноват за других».¹⁶

Так как повесть «Не страшное»¹⁷ после отзыва Батюшкова уже дважды рассматривалась в связи с «Братьями Карамазовыми», остановимся лишь на некоторых моментах, проясняющих основу этого сопоставления. В повести возникает как бы будничная вариация сюжетной ситуации и масштабных характеров романа Достоевского, недаром фамилия одного из гибнущих героев — Будников. И это «не страшное» оказывается на самом деле подлинно «страшным». «Дело», на разбирательство которого едет репортер, исполняющий, как часто было у Достоевского, роль «хроникера» при втором рассказчике, происходит в захлабленном городке Тиходеле. Общественная атмосфера жизни городка характерна для несколько иной, уже более поздней, чем в романе Достоевского,

¹⁵ Неточная цитата из повести Короленко «Не страшное» — см. ниже: С. 357—358.

¹⁶ ИРЛИ, № 15450.

¹⁷ См.: *Короленко В. Г. Собр. соч.*: В 10 т. М., 1954. Т. 3. С. 351—399.

эпохи. Будников, — в молодости бывший человеком «образованным, независимым, с идеями...» народнического толка, даже поссорившийся с отцом, о котором «говорили», что он занимался ростовщичеством, — после смерти отца вернулся в Тиходол. Унаследовав четыре дома, стал сдавать квартиры и постепенно опустился, как чеховский Ионыч, хотя еще иногда рубил вместе с дворником Гаврилой дрова или работал в саду. Добродушный силач Гаврило, бывший крестьянин, и оставшаяся в одной из квартир Будникова после смерти матери «сирота» Елена, добрая, наивная, но таившая в себе, как и Грушенька, нечто inferнальное, — другие действующие лица трагедии. Превращение Будниковым Елены в свою любовницу, женитьба после этого на ней любящего ее Гаврилы, подаренный ей в награду Будниковым лотерейный билет, не взятый ею, но выигравший. В роли подстрекателя отчасти подобно Ивану Карамазову выступает в повести молодой тиходолец Рогов, некогда умный, талантливый гимназист, озлобившийся после смерти матери, которая защищала его от отца-пьяницы, и превратившийся в конце концов в крайнего циника: с целью подбить Гаврилу на похищение шкатулки с «билетом», Рогов совращает его сначала на пьянство, а потом на сговор с собутыльником из Яра; Гаврило открывает ему дверь, но когда тот отправляется за шкатулкой, то, забыв обо всем, сам поднимается наверх и убивает Будникова, вновь испытывавшего непреодолимое влечение к Елене и хотевшего развести ее с мужем. Таковы главные вехи событий, о которых в купе поезда рассказывает бывший учитель тиходольской гимназии (повидимому, литератор) Павел Семенович Падорин. По-разному реагируют на его рассказ два слушателя — учитель математики из той же гимназии, который находит многое в рассказе Падорина нелепым и остается к нему равнодушным, и человек «с умными глазами, твердо глядящими из-под золотых очков». И когда волнующийся, пытающийся разобраться в произошедшем Падорин, считая и себя виноватым, потому что он, тогда молодой и вольнолюбивый учитель, убоился выдвинутого против него подозрения в неблагонадежности и прекратил дружеские беседы с близкими ему гимназистами, среди них и с Роговым, говорит: «Может быть, я не вполне ясно это... Я хотел сказать... что в сущности все так связано... И эта взаимная связь...», то слушатель «с умными глазами» досказывает: «— Налагает общую ответственность? — В лице Павла Семеновича блеснуло радостное оживление. — Вот! Вы, значит, поняли? Именно общую... Не перед Иваном или Петром... Все, так сказать, переплетается... Один по неаккуратности бросил апельсиновую корку... другой споткнулся и, глядишь, — сломал ногу».¹⁸

Эта неуспокоенность Падорина, поиски им общего, не эгоистического смысла жизни и своего назначения в ней характерны и для героя первого рассказа Короленко 1879 года «Эпизоды из жиз-

¹⁸ Там же. С. 387—388.

ни искателя»,¹⁹ упомянутого Батюшковым, и для героя названного им же рассказа «С двух сторон» (1-я редакция опубликована в 1886 году, 2-я — в 1914),²⁰ в которой студент Петровской сельскохозяйственной академии в Москве (там в 1874—1876 годы учился сам Короленко), поклонник Бокля и Фохта, пережив самоубийство товарища и считая себя невольно несколько в нем повинным, заболевает и впадает в крайности вульгарно-материалистического восприятия бытия, а потом по выздоровлении начинает радостно размышлять о существовании «мирового сознания». И в повести «Не страшное», и в рассказе (скорее повести) «С двух сторон» есть опознавательные знаки, свидетельствующие об ориентированности их на Достоевского. В «Не страшном» Падорин напоминает о черте из «Братьев Карамазовых», обрисовывая его, а преподаватель математики находит, что это не черт, а «просто проходимец, каких много»;²¹ студент Петровской сельскохозяйственной академии Потапов в повести «С двух сторон» часами «бродил по закоулкам» ее «парка, вглядываясь в затянутые легкой дымкой чащи, просиживая с книгой у грота Иванова, стараясь разгадать мрачную драму нечестивого дела»,²² легшего в основу «Бесов». Характеры в этих произведениях Короленко сложны и многосоставны. Например, Будников к концу жизни стал религиозен. Ночью, когда он увидел вдруг появившегося у него Гаврилу, не испугался, а все понял. А Падорин все вспоминает, когда к нему на квартиру «такой же светлой ночью прибежали два гимназиста», а он «стоял перед ними, охваченный стыдом и бессилием...». «И показалось мне, — заключает он свой рассказ, — что я сейчас разгадаю что-то такое, что должно объединить все это: и эти высокие мерцающие звезды, и этот живой шорох ветра в ветвях, и мои воспоминания, и то, что случилось... В юности это ощущение бывало у меня часто... Когда свежий ум искал разгадки всех вопросов и большой правды. И когда казалось иной раз, что вот-вот уже стоишь у порога и что все становится ясно... А потом все исчезает».²³

Таким образом, Батюшков закономерно направил наше внимание именно на те произведения Короленко, которые построены в системе координат Достоевского.²⁴ Конечно, ему самому была

¹⁹ См.: *Короленко В. Г.* Полн. собр. соч. Пг., 1914. Т. 9. С. 374—424.

²⁰ См.: *Короленко В. Г.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. С. 286—381.

²¹ Там же. Т. 3. С. 353.

²² Там же. Т. 4. С. 304.

²³ Там же. Т. 3. С. 398.

²⁴ Можно отметить, что Батюшкову удалось установить еще одну убедительную параллель по отношению к творчеству Достоевского: взаимосвязь между «Преступлением и наказанием» и романом Поля Бурже «Ученик», герой которого Грелу последовал «теории» ученого Сикста и совершил убийство. Батюшков, однако, подчеркивал различие между «доктриной» Раскольникова, «нигилизм» которого не отрицал «некоторых общественных идеалов...», и «более черствым и безотрадным» «видом нигилизма» Грелу (см.: *Батюшков Ф. Д.* Критические очерки и заметки. СПб., 1900. С. 16, 25).

более близка «осанна» создателя «Братьев Карамазовых», а Короленко, судя по сохранившимся пометам его на страницах романа,²⁵ критически относился к ряду утопических с его точки зрения положений проповеди Зосимы, был, как отмечал Батюшков в статье о нем в той же «Истории русской литературы...», носителем романтически окрашенной идеи «святости противления», необходимости «самообороны», при любви к идее «человеческого братства», что нашло символическое выражение в его «Сказании о Флоре, Агриппе и Менахеме».²⁶ Но, как можно заключить, дилемма «вины» и «ответственности», взаимосвязанности людей решалась им на путях, общих с Достоевским. Объединяет автора повести «Не страшное» и других подобных произведений с его великим предшественником и пафос искания высокого этического начала жизни. В пору завершения работы над этой повестью (называя ее еще рассказом), 5 февраля 1903 года, Короленко писал своей корреспондентке П. С. Ивановской: «Рассказ странный, не в обычном моем роде, но захватил меня сильно, и работаю я над ним долго, потому что не хочется вставлять ни одной строчки „от себя”. Ведется он (наполовину) от лица некоторого чудака, который меня интересует не меньше, чем то, о чем он рассказывает. Тема — бессмыслица сутолоки жизни и предчувствие или ощущение, что смысл есть огромный, общий смысл всей жизни, во всей ее совокупности, и его надо искать. Не знаю, что из этого у меня вышло, знаю только, что это, может быть, самое задушевное, что я писал до сих пор. Ощущение это, по моему мнению, разлито теперь в воздухе». И хотя последние свои слова Короленко подтверждал ссылкой на пример иронически им оцениваемого перехода «недавних марксистов» (М. И. Туган-Барановского и С. Н. Булгакова) к развитию «философии Зосимы», но далее формулировал свое, соприкасающееся с Достоевским и в то же время от него отличающееся, понимание значимости духовных «поисков»: «Но самое чувство, побуждающее искать широких мировых формул, — я считаю нормальным, неистребимым и подлежащим бесконечной эволюции».²⁷

²⁵ См. публикацию И. А. Кронрод : Лит. наследство. Т. 86. С. 643—656 (в частности, с. 648—655).

²⁶ См.: История русской литературы XIX века. М., 1911. Т. 5. С. 177.

²⁷ Короленко В. Г. Собр. соч.: В 10 т. М., 1956. Т. 10. С. 357—358.